

JEL classification: A13, B25, B31  
УДК 330.8(092)  
DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(4).663-692

**Р.М. Нуреев**

*Финансовый университет при Правительстве РФ,  
г. Москва, Российская Федерация*

**Ю.В. Латов**

*Институт социологии ФНИСЦ РАН,  
г. Москва, Российская Федерация*

## **РОНАЛЬД КОУЗ — ЧЕЛОВЕК И ТЕОРЕМА**

*Аннотация.* Приуроченный к 30-летию присуждения Р. Коузу Нобелевской премии по экономике обзор его жизни и научных достижений показывает, что они содержат много парадоксов. Хотя Коуза считают самым выдающимся экономистом второй половины XX в., сам себя он считал «случайным» экономистом. Научные труды Коуза крайне немногочисленны (к его «великим» произведениям относятся в сущности лишь 2–3 статьи). Он считается основоположником неоинституционализма, однако знаменитая «теорема Коуза» сформулирована Дж. Стиглером, а систематизированное изложение неоинституциональной теории, основанной на «открытых» Коузом трансакционных издержках, принадлежит О. Уильямсону. В некотором смысле Коузу удалось своей жизнью решить невозможную задачу — добиться максимального результата при минимальных затратах. При этом отношение Коуза к институционализму было неоднозначным; в его работах легко найти как критическое отношение к «старому» (идущему от Веблена и Коммонса) институционализму, так и типичное именно для этого направления остро критическое отношение к «экономической теории классной доски». Освоение идей Коуза в России тоже выглядит парадоксально: наиболее актуальными с практической точки зрения они были в начале 1990-х, однако широкое творческое обсуждение его идей (включая полемику о теореме Коуза) началось лишь в начале 2000-х гг., когда

институты постсоветской России уже «застыли» и их трансформация путем правильного применения коузианских идей стала затруднительной.

**Ключевые слова.** Р. Коуз, неоинституциональная теория, история экономических учений, институционализм, транзитивная экономика.

**Информация о статье.** Дата поступления 2 сентября 2021 г.; дата принятия к печати 5 ноября 2021 г.; дата онлайн-размещения 22 ноября 2021 г.

**R.M. Nureev**

*Financial University  
under the Government of the Russian Federation,  
Moscow, the Russian Federation*

**Yu.V. Latov**

*Institute of Sociology, FCTAS RAS,  
Moscow, the Russian Federation*

## **RONALD COASE: MAN AND THEOREM**

**Abstract.** The article focuses on the ideas and achievements of Ronald Coase, an outstanding economist. The review of his life and scientific achievements, which was timed to coincide with the 30<sup>th</sup> anniversary of the Nobel Prize in economics being awarded to R. Coase, shows that they contain many paradoxes. Although Coase is known to be the most outstanding economist of the second half of the 20<sup>th</sup> century, he considered himself an «accidental» economist. Coase's scientific works are extremely few (in fact, only 2 or 3 articles belong to his «great» works). Although he is regarded the founder of neoinstitutionalism, the famous «Coase's theorem» was formulated by J. Stigler, and a systematic presentation of the neoinstitutional theory based on the transaction costs «discovered» by Coase belongs to O. Williamson. In a sense, with his life Coase managed to solve an impossible task that is to achieve maximum results at minimum cost. At the same time, Coase's attitude to institutionalism was ambiguous; both a critical attitude towards the «old» (coming from Veblen and Commons) institutionalism, and a sharp critical attitude to the «economics of the

blackboard» typical for this direction can be easily found in his works. The dissemination of Coase's ideas in Russia also looks paradoxical. They were most relevant from a practical point of view in the early 1990s, but a broad creative discussion of his ideas (including the controversy about Coase's theorem) began only in the early 2000s, when the institutions of post-Soviet Russia have already «frozen» and their transformation through the correct application of Coasian ideas has become difficult.

*Keywords.* Ronald Coase, neoinstitutional economics, history of economics, institutionalism, transitional economy.

*Article info.* Received September 2, 2021; accepted November 5, 2021; available online November 22, 2021.

В прошлом году экономисты всего мира могли отмечать сразу два юбилея, связанные с жизнью великого англо-американского экономиста Рональда Гарри Коуза (Ronald Harry Coase, 1910–2013): в декабре 2020 г. исполнилось 110 лет со дня рождения родоначальника неинституциональной теории, а начале того же года – 60 лет публикации одной из самых цитируемых статей XX в. по экономической теории – «Проблема социальных издержек» Коуза. В текущем 2021 году исполнилось 30 лет с момента присуждения Коузу премии по экономике памяти Альфреда Нобеля 1991 г. «за открытие и прояснение точного смысла транзакционных издержек и прав собственности в институциональной структуре и функционировании экономики». А в следующем 2022 г. будет 85-летие публикации «Природы фирмы» – той самой статьи, с которой началось «открытие» транзакционных издержек и формирование неинституциональной теории. Такая цепочка юбилеев – хороший повод, чтобы обсудить заслуги этого великого экономиста.

### **Рональд Гарри Коуз: этапы большого пути «случайного» экономиста**

Долгую биографию Коуза (он умер в мафусаиловском возрасте 102 лет) можно считать символом сме-

ны национального лидерства в экономической науке Запада. Если первые 40 лет жизни он прожил в Великобритании, то остальные — в США, оставаясь британским гражданином. Это совпадает с общемировым трендом: если в первой половине XX в. интеллектуальным центром экономической науки была Лондонская школа экономики, то во второй половине — американская ЧиВирЛА (триада Чикагского, Вирджинского и Лос-Анджелесского университетов, Коуз работал в двух из них).

**Британский период.** Коуз прожил довольно обычную жизнь представителя западного среднего класса, к которому он принадлежал с рождения (его родители были почтовыми работниками, жившими в пригороде Лондона). Но его «простая» биография содержит много странных парадоксов.

Выбор научной специализации и, соответственно, будущей профессии, по воспоминаниям самого Р. Коуза, «был определен одним из тех случайных факторов, которые, кажется, сформировали мою жизнь». После окончания в 1927 г. средней школы Коуз смог в течение двух лет подготовиться к промежуточным экзаменам на бакалаврскую степень, что засчитывалось за первый год учебы в университете. Его любимыми школьными предметами являлись история и химия, но для специализации в области гуманитарных наук было необходимо знание латыни, а для специализации по химии — хорошее знание математики. И то и другое молодому Коузу представлялось слишком сложным (критическое отношение к математизации осталось у него на всю жизнь). Поэтому он несколько неожиданно для самого себя избрал коммерцию, поступив в 1929 г. на второй курс знаменитой Лондонской школы экономики (ЛШЭ).

На будущие научные интересы Коуза очень существенно повлиял его научный руководитель на последнем курсе в ЛШЭ — британский экономист Ар-

нольд Планта (1898-1978), автор считающихся до сих пор классическими работ по экономической теории интеллектуальных прав собственности (патентов и авторских прав). «Моя встреча с ним изменила мою жизнь», писал Р. Коуз в своей биографии. Именно благодаря ему молодой Коуз заинтересовался собственно экономической теорией, хотя раньше собирался специализироваться по промышленному праву и стать профессиональным юристом.

Во время учебы в ЛШЭ Коуз совершил за счет специальной стипендии длительную поездку в США для изучения вертикальной и горизонтальной интеграции в промышленности. Именно тогда, в 1932 г., он сформулировал еще не вполне законченную теорию трансакционных издержек, объясняющую, почему существуют фирмы. По возвращении из США Коуз получил диплом бакалавра и стал преподавать в Школе экономики и коммерции в провинциальном Данди. На этот период приходится его знакомство с коллегой-преподавателем Дунканом Блэком (1908-1991), позже ставшим одним из основоположников теории общественного выбора. Позднее, в предисловии к своей книге «Теория комитетов и выборов» (1958) Д. Блэк специально отметит важную роль, которую сыграло общение с Коузом в становлении его собственной концепции: «На самой ранней стадии в поиске основных линий развития исследования мне помогли дискуссии с моим коллегой, профессором Рональдом Г. Коузом, о его представлениях о природе фирмы» [1, р. XI]. Это свидетельствует, что высокая креативность Коуза была заметна его коллегам задолго до того, как он стал «звездой».

Первые научные публикации высокого уровня появляются у Р. Коуза практически сразу после окончания ЛШЭ. Поскольку в 1933 г. почти одновременно были опубликованы две замечательные книги, «Экономическая теория несовершенной конкуренции»

Джоан Робинсон и «Теория монополистической конкуренции» Эдварда Чемберлина, они способствовали росту интереса молодого Коуза к проблемам несовершенной конкуренции. Под их влиянием он пишет статью «Пересмотр проблемы дуополии» [2]. Хотя знаменитость Коузу принесла разработка теории трансакционных издержек, в изучение теории монополистической власти он тоже внес существенный вклад (в частности, уже в 1970-е гг. сформулировал «гипотезу Коуза» о ценовом поведении монополиста).

В 1935 г. ему удается вернуться в ЛШЭ, где он преподавал до начала 1950-х, уделяя все большее внимание теории отраслевых рынков. Самым знаменитым результатом его исследований этого периода стала статья «Природа фирмы» (1937), в которой впервые в экономической теории показана роль трансакционных издержек [3]<sup>1</sup>. «В “Природе фирмы” я утверждал, — напишет позднее Р. Коуз, — что в конкурентной системе должен существовать некий оптимальных объем планирования, поскольку фирма, своего рода маленькое плановое сообщество, может продолжить свое существование только если она выполняет свою координирующую функцию с меньшими издержками, чем в том случае, когда координация осуществляется посредством рыночных трансакций, а также с меньшими издержками, чем эта же функция может выполняться другой фирмой» [4, с. 9]. Хотя именно из этой небольшой статьи выросла вся современная теория трансакционных издержек, в 1930-х гг. она прошла относительно незамеченной, поскольку научным мейнстримом тогда являлось кейнсианство, рассматривающее совсем другие проблемы.

Как вспоминал Коуз, «в молодости я был социалистом»; его однокурсником и другом являлся А. Лернер,

<sup>1</sup> Сам общепринятый в наши дни термин «трансакционные издержки» сформировался гораздо позже, у Коуза изначально фигурировали «издержки рыночных трансакций».

позднее ставший видным теоретиком модели «рыночного социализма». Но сам Коуз под влиянием своего учителя А. Планта уже в начале 1930-х сомневался в преимуществах централизованного управления перед «невидимой рукой» рынка. «Мои социалистические симпатии постепенно угасли, — писал он, — и этот процесс обострился в результате того, что в 1935 г. в Лондонской школе экономики я был назначен вести курс экономики коммунальных предприятий. Вскоре я обнаружил, что о британских коммунальных предприятиях известно очень мало, и приступил к проведению серии исторических исследований в области водоснабжения, газоснабжения и электроснабжения, а также о почтовом отделении и радиовещании. Эти исследования... заставили меня осознать недостатки государственного управления этими отраслями, будь то муниципальные или в результате национализации». На критическое отношение Коуза к государственному регулированию повлиял и его личный опыт, когда во время Второй мировой войны он параллельно с преподаванием в ЛШЭ работал в Центральном статистическом управлении, одной из организаций военного управления экономикой Великобритании. Как Коуз позже вспоминал, «я не мог не заметить, что, когда страна находилась в смертельной опасности, правительственные ведомства часто казались более озабоченными защитой своих собственных интересов, чем интересов страны».

Разочарование в идеологии государственного регулирования, популярной в Великобритании при послевоенных лейбористских правительствах, стало одной из причин переезда Р. Коуза в 1951 г., сразу после защиты степени доктора наук, из Великобритании в США, на родину его жены. Здесь он сначала работает профессором в Университете Буффало (1951–1958 гг.) и Вирджинском университете (1958–1964 гг.), а затем до конца жизни «оседает» в Чикагском университете (с 1964 г.).

*Американский период.* В 1950-х гг. Коуз выпускает ряд работ с критическим анализом опыта естественных монополий в Великобритании: в 1950 г. выходит его первая (и, как окажется, по существу последняя) монография «Британское радиовещание: изучение монополии» [5], в 1955 г. — статья «Почтовая монополия в Великобритании: исторический обзор», в 1959 г. — «Федеральная комиссия по средствам сообщения» [6; 7], в 1961 г. — «Британская почтовая служба и курьерские компании». Заметно позже этот цикл завершит вышедшая в 1974 г. статья «Маяк в экономической теории». При изучении государственного регулирования в центре внимания Коуза находилась идея, что государственные монополии навязывают обществу собственные стандарты. Это особенно было видно на примере британского радиовещания, где частотный диапазон не подвержен действию ценового механизма. Центральной для Коуза являлась проблема внешних эффектов и создания эффективной системы прав собственности.

Именно через обсуждение проблем государственного регулирования Р. Коуз вернулся к своей старой теории транзакционных издержек. Его статья «Федеральная комиссия по средствам сообщения» вызвала сильные возражения других американских экономистов, так что его пригласили на специальное обсуждение группы 20-ти ведущих экономистов Чикагского университета (включая Милтона Фридмана). Как позднее с юмором вспоминал участник этого обсуждения Дж. Стиглер, если в начале «мы категорически возражали против этой ереси», то после двух часов споров «голосование увеличилось с 20 против и лишь одного за Коуза до 21 за Коуза». Коуз смог убедить всех в своем мнении, что если юридические права определены правильно, то в экономике будут преобладать эффективные решения. Его попросили написать статью для нового журнала «The Journal of

Law and Economics», результатом стала знаменитая «Проблема социальных издержек» (1960) [8]. Р. Коуз позже с иронией размышлял о роли случайности в своей биографии: «Если бы не тот факт, что эти экономисты из Чикагского университета подумали, что я допустил ошибку в своей статье о Федеральной комиссии по средствам сообщения, то вполне вероятно, что “Проблема социальных издержек” никогда бы не была написана». В своей монографии «Фирма, рынок и право» Коуз подчеркнет единство и различие между статьей 1937 г. о природе фирмы и проблемой социальных издержек: «В “Природе фирмы” я показал, что при отсутствии транзакционных издержек нет никакой экономической основы для существования фирмы. В “Проблеме социальных издержек” я показал, что в отсутствие транзакционных издержек не имеет значения правовая система» [9, с. 16].

С 1961 г. начинается стремительный взлет популярности Р. Коуза и основанного им неинституционального (институционально-правового) направления. В 1964 г., перейдя работать в Чикагский университет, он стал редактором (до 1982 г.) того самого «Journal of Law and Economics», который дал старт его общемировой известности. В 1980-е гг. его научная продуктивность, судя по библиографии работ<sup>2</sup>, начинает в силу возраста постепенно снижаться, но научной работой он продолжал заниматься буквально «до гробовой доски».

Коуз является редким примером великого экономиста, который всю жизнь писал практически *только* статьи. Есть два исключения, которые лишь подтверждают правило: первая его полномасштабная монография (о британском телевидении как примере естественной монополии) давно «канула в лету», а вторая написана им в соавторстве — и почти наверняка с до-

<sup>2</sup> Publications Of Ronald Coase // The Ronald Coase Institute. URL: <https://www.coase.org/coasepublications.htm>.

минирующим участием соавтора – в самые последние годы жизни. Главный сборник его работ, «Фирма, рынок и право» (1988), содержит всего 6 относительно самостоятельных статей, от «Природы фирмы» до «Маяка в экономической теории», с развернутым введением [10]; в русском переводе [9; 11] они занимают менее 200 страниц. Другая его книга, «Очерки об экономической науке и экономистах» (1994) [12; 4], являющаяся более объемной, но гораздо менее фундаментальной, – тоже собрание статей по очень разным темам и разного уровня качества<sup>3</sup>, написанных автором в 1970–1980-е гг. Парадокс в том, что Коуз смог очень сильно повлиять на развитие экономической науки (его влияние во второй половине XX в. сопоставимо с влиянием Дж.М. Кейнса в первой половине века) при помощи относительно небольших по объему работ (в сущности – 2–3-х статей). В некотором смысле Коузу удалось решить невозможную задачу – добиться максимального результата при минимальных затратах.

В 1991 г. Р. Коузу вручается Нобелевская премия по экономике «за открытие и прояснение трансакционных издержек и права собственности для институциональной структуры и функционирования экономики». Фактически 80-летнего ученого наградили за открытие, которое он сделал в возрасте чуть старше 20-ти лет. Во время Нобелевской лекции ученый иронически оценил свою биографию следующим образом: «Моя жизнь была интересной, академической и в целом успешной. Но почти во всех случаях то, что я

<sup>3</sup> Достаточно сказать, что во время обсуждения русского перевода прозвучало следующее критическое мнение: «...[В книге] представлены совершенно разные материалы. Не очень понимаю, зачем сюда включены некоторые статьи. Сам Коуз отмечает, что сборник формировался отчасти из соображений тщеславия. Вот и не очень понятно, зачем эти статьи читать» [13, с. 201]). Нельзя не признать, что некоторые тексты «позднего» Коуза (например, его изыскания о родителях знаменитого британского экономиста А. Маршалла) вряд ли издавались бы в России, если бы их автором не был «тот самый Коуз».

делал, определялось факторами, которые я не выбирал. Так меня увенчали “ореолом величия”»<sup>4</sup>. Доказательством «причисленности к небожителям» было, например, то, что с 2000 г. до конца жизни он являлся научным руководителем Института, который носил (и до сих пор носит) его имя (<https://www.coase.org/>).

В самые последние годы своей удивительно долгой жизни Р. Коуз неожиданно увлекся вопросом о причинах «китайского чуда». Хотя быстрый экономический рост Китая обычно приводят как пример успешности государственного регулирования экономики, Р. Коуз в этом вопросе продолжил отстаивать позицию о высокой эффективности саморазвития рыночных институтов. В книге «Как Китай стал капиталистическим» (2012) [16] Р. Коуз и его соавтор Нин Ван проследили рыночную трансформацию КНР после смерти Мао Цзэдуна и сделали вывод, что революционные изменения произошли не в результате преднамеренных действий китайского руководства, а в результате серии микро-«революций» снизу.

Когда Рональд Коуз умер в Чикаго 2 сентября 2013 г. на 103-м году жизни, экономисты всего мира отмечали, что ушел последний из несомненно великих экономистов XX века. Широкая популярность его идей связана не только с их высоким объективным значением для развития экономической науки и экономической политики, но и с принципиальной политической неангажированностью этого великого экономиста. Хотя Коуз последовательно поддерживал на протяжении всей жизни либеральную позицию, согласно которой рыночная система объективно может решать разные проблемы в целом лучше госчиновников, однако он никогда не делал из этого тотальных идеологических выводов (чем часто «грешили», например, М. Фридман и Ф. фон Хайек). В результате

<sup>4</sup> Автобиографические заметки Р. Коуза цитируются по [14; 15].

его идеи вызывают высокий интерес не только у либералов, но и у людей с социалистическими взглядами, старающихся избежать бюрократических провалов.

### Коуз и Россия

Для отечественных экономистов важен вопрос о значении идей Рональда Коуза для нашей страны. И здесь тоже будет видна цепочка парадоксов, которые постоянно наблюдаются, когда всматриваешься в «простую», казалось бы, биографию Коуза и его идей.

*Почему Коуз «не заметил» Россию.* Насколько известно, сам Коуз никогда Россией (в отличие от Китая) специально не интересовался<sup>5</sup>. Между тем именно развитие постсоветской России объективно стало тем явлением, на котором серьезно «споткнулась» та тесно связанная с Вашингтонским консенсусом либеральная мета-парадигма, которую Коуз всегда разделял и по мере сил развивал.

Действительно, если удачный опыт пост-маоистской КНР в целом является аргументом в пользу благотворности рыночной саморегуляции (и Коуз в своей последней книге хорошо это показал), то неудачный опыт постсоветской России — аргументом скорее противоположного толка. Ведь в 1990-е гг., когда госрегулирование было слабым, экономическое и политическое положение страны выглядели плачевно, а когда в 2000-е началось восстановление «властной вертикали», то экономика и политика определенно улучшились, пусть даже в 2010-е гг. улучшения затормозились и частично аннулировались. Конечно, после этого — не значит вследствие этого... И все же спонтанный рынок и низовая демократия в России за 30 прошедших лет

<sup>5</sup> По воспоминаниям Д.Е. Раскова, который лично встречался с Р. Коузом в 1997 г. на одной из конференций, «он никогда не был в России и никогда не изучал происходящее у нас, но, когда я вручил ему перевод его книги “Фирма, рынок и право”, обрадовался тому, что его у нас читают» [13, с. 197].

так и не продемонстрировали явных преимуществ перед госрегулированием и авторитарным управлением.

То, что Коуз «не заметил» Россию, можно объяснить неизбежным для *очень* пожилого человека сужением восприятия окружающего мира. Однако, с другой стороны, Китаем в самые последние годы Коуз увлечься сумел, пусть даже его личный вклад в монографию «Как Китай стал капиталистическим» в соавторстве с Нин Ваном, судя по содержанию книги, был не слишком велик.

Для понимания «географических» интересов Коуза есть смысл обратиться к его классической статье «Маяк в экономической теории» (1974), где, как известно, дается критика общепринятого – но, по мнению Коуза, ложного – понимания производства общественных благ на примере британской службы маяков.

Напомним суть этой блестящей историко-экономической статьи. До Коуза строительство и эксплуатация маяков обычно приводились как классический пример производства общественных благ, когда невозможно исключать «безбилетников», а потому частное производство должно быть заменено государственным. Коуз продемонстрировал в своей статье, что его юношеская любовь к истории оказалась очень кстати для зрелого экономиста. Обращение к документам показало, что когда в Великобритании с XVII в. начинается рост морской торговли и массовое строительство маяков, то это строительство осуществлялось не только государственной организацией (Тринити Хаус), но и частными лицами. Последним для этого было необходимо получить монарший патент на строительство маяка и сбор пошлины с кораблей, приходящих в ближайший порт. Лишь в 1836 г. парламентский акт передал в руки Тринити Хаус (т.е. фактически национализировал) все маяки Англии, а до этого частные лица успешно строили и / или эксплуатировали маяки как частные бизнес-предприятия.

В отечественной литературе уже обращалось внимание на то, что если бы Коуз не ограничился одной только Англией XVII–XIX вв., то результат изучения истории маяков оказался совсем иным. Не только в России с ее авторитарно-государственными традициями, но и, например, во Франции нового времени маяки были исключительно государственными. Как справедливо подчеркивает Г.В. Калягин, «не существует общественных, частных клубных или иных благ вне зависимости от технологических и институциональных ограничений, свойственных конкретному обществу в конкретную эпоху» [17, с. 262]. Решающую роль играют особенности институциональной среды конкретной страны в конкретную эпоху, которые стимулируют одни виды деятельности и стигматизируют другие.

Может быть, Коуз не совсем удачно выбрал пример для изучения истории маяков и потому не совсем верно сформулировал выводы историко-экономического анализа? Не похоже. Вспомним, что «Маяк в экономической теории» Коуз писал почти через четверть века после переезда из Великобритании в США. Конечно, у Коуза был накоплен огромный материал именно о британских государственных службах, которые он собрал во время первого периода своей жизни и ранее использовал для серии статей 1950-х гг. о британском радиовещании, британской почтовой службе и т.д. Но для американского читателя логично было бы привести, хотя бы вскользь, примеры из истории маяков и в США. Однако этого Коуз сделать не мог, не разрушая либеральный пафос своей знаменитой статьи о маяках. Дело в том, хотя до провозглашения независимости маяки в британских колониях были частными в еще большей степени, чем в Великобритании, но в 1789 г., почти сразу после образования Соединенных Штатов (т.е. почти на полвека раньше, чем в Великобритании), строительство и эксплуатация прибрежных маяков оказались поставлены под

контроль Управления маяков (при Министерстве финансов). Конечно, Коуз в принципе мог бы заняться компаративистикой, как это сделал Г.В. Калягин и многие зарубежные экономисты, указывавшие на односторонность подхода Коуза. Тогда он подошел бы к выводу, что значимость институтов частного предпринимательства и частной собственности сильно варьируется в зависимости от национальной культуры и «духа времени». Но это был бы уже совсем другой Коуз, более близкий к «старому» институционализму.

Очевидно, для Коуза было свойственно нередкое, к сожалению, среди ученых стремление (возможно, подсознательное) подбирать те конкретно-исторические примеры, которые лучше подходят под определенную теоретическую парадигму, игнорируя то, что под нее не подходит. С этой точки зрения вполне понятно, почему Коуза в последние четверть века его жизни Китай интересовал гораздо сильнее, чем Россия. Ведь опыт КНР уже в 1980-е гг. подтверждал благотворность рыночной саморегуляции, а опыт России до сих пор таких подтверждений так пока и не дал. Поэтому россиянам придется разбираться в проблемах своего национального социально-экономического развития без конкретных «подсказок» Коуза.

**Коуз и российские экономисты.** В этой связи любопытно выглядит процесс освоения российскими обществоведами неинституционализма в целом и «коузианства» в частности<sup>6</sup>. Парадокс в том, что когда в первой половине 1990-х гг. в стране создавались базовые основы рынка, идеи Коуза были известны весьма умеренно (на «учебном» уровне), а взрыв их популярности начался десятилетие спустя, когда госрегулирование стало «отвоевывать» у рынка ранее утраченные позиции.

В пропаганде коузианской теории прав собственности в начале 1990-х гг. решающую роль сыграл

<sup>6</sup> Первый комплексный обзор развития постсоветского институционализма представлен в публикации [18].

Р.И. Капелюшников, являвшийся тогда и остающийся по сей день одним из интеллектуальных лидеров российского экономического либерализма. Его брошюра «Экономическая теория прав собственности» (1990) [19] с популярным изложением основ этого малоизвестного тогда в нашей стране научного направления какое-то время пользовалась среди экономистов популярностью, сопоставимой с первыми переводными «экономиксами»<sup>7</sup>. Этот же экономист принял активное участие в организации переводного издания знаменитого сборника статей Р. Коуза «Фирма, рынок и право» (1993), который содержал, в сущности, все его основные произведения. Оба эти издания были не только чисто научными, но и в определенной степени учебно-пропагандистскими. Не случайно практически сразу после начала формирования Рунета, уже в 1994 г., их тексты были выставлены на «Либертариуме» (<https://libertarium.ru>, рядом с текстами Ф. фон Хайека, Л. фон Мизеса, Э. де Сото и т.д.), который являлся тогда одним из самых популярных экономических сетевых ресурсов. Для нужд системы российского экономического образования, которое в 1990-е гг. переживало буквально новое «рождение» (как тогда шутили, преподаватели часто знали предмет «на одну лекцию лучше», чем их студенты), этого тогда хватало.

В то же время чисто научно-академическое освоение идей неoinституционализма в 1990-х гг. долгое время не отличалось глубиной. По подшивкам «Вопросов экономики» хорошо заметно, что хотя рубрика «Институциональные изменения в экономике» появляется уже в 1993 г., но публикации тех лет посвящены в основном освещению скорее эмпириче-

<sup>7</sup> Собственно учебники по институциональной экономике появились лишь к концу 1990-х. Наиболее популярным изданием надолго стала «Институциональная экономика» А.Н. Олейника, которая публиковалась сначала на страницах главного российского экономического журнала «Вопросы экономики» (1999, № 1-12), а позже дважды издавалась отдельной книгой [20; 21].

ских изменений собственности, чем их теоретическому анализу<sup>8</sup>. Первая статья с осмыслением российской приватизации на основе обсуждения транзакционных издержек появляется в этом ведущем отечественном экономическом журнале лишь в 1994 г., и то как перевод с английского статьи итальянского экономиста [22]. Еще через два года В. Кокорев изложил нетривиальную гипотезу о росте транзакционных издержек в переходный период от плана к рынку [23]. Появление первых таких статей демонстрировало формирование определенной свободы мышления в использовании неоинституциональных концептов. Но первые систематические подборки *теоретических* публикаций неоинституционального характера появляются лишь с 1997 г.<sup>9</sup>. И только в начале 2000-х гг. российские экономисты настолько освоились с неоинституциональными подходами, что начали полемизировать, как и их западные коллеги полувеком раньше, о правомерности знаменитой «теоремы Коуза»<sup>10</sup>. На протяжении последних 15-ти лет полемические обсуждения различных аспектов неоинституционализма стали в российской академической периодике уже настолько частыми, что наиболее активных участников данных обсуждений (Р.И. Капелюшникова, А.Н. Олейника, Д.Е. Раскова, О.С. Сухарева, А.Е. Шастико) можно по праву считать «коузоведами».

<sup>8</sup> Легкость восприятия экс-советскими экономистами институциональной терминологии во многом объяснялась ее высокой содержательной близостью к привычному марксизму, который тоже акцентировал внимание на важности отношений собственности. В частности, «институты» воспринимались по существу как практически полный аналог «производственных отношений».

<sup>9</sup> См., например: [24; 25]. Продолжением и развитием этих журнальных публикаций А.Е. Шаститко являлись брошюры [26; 27] того же автора, ставшего, пожалуй, первым «официальным» российским неоинституционалистом.

<sup>10</sup> «Застрельщиком» этой продолжающейся до сих пор дискуссии стала статья О. Кrasilъникова [28].

В то же время интерес к прикладным аспектам неинституционализма до сих пор выражен в современном российском обществоведении существенно слабее, чем к теоретическим аспектам. Лишь спустя десятилетие после завершения «большой» приватизации появляются работы с анализом того, насколько российская практика соответствовала или противоречила неинституциональной теории [29; 30]. Что же касается, например, экономической теории права, в рамках которой на Западе происходило прикладное освоение идей Коуза, то, с одной стороны, на русский язык переведены книги классиков Law and Economics Р. Познера и Г. Калабреззи, а в издательстве Института Гайдара началось издание даже серии переводных монографий «Право и экономика» (Д. Фридман, Г. Уинтер и др.). Однако, с другой стороны, преподавание экономической теории права для юристов (то, что было главным делом Коуза в чикагский период его профессиональной деятельности) остается в России чем-то экзотическим даже в наши дни. Хотя уже есть работы российских юристов, апеллирующих к экономической теории права (см., например: [31; 32]), в практических решениях российских судов ее использование пока не прослеживается<sup>11</sup>.

Этот разрыв между достаточно глубоким восприятием «коузианства» отечественными экономистами-теоретиками и очень слабым (фактически нулевым) его влиянием на социально-экономическую практику отчасти объясняется, конечно, общеизвестным отличием континентальных правовых систем (включая российскую) от англо-американской правовой традиции. Прямые ссылки на идеи Коуза в ре-

<sup>11</sup> В литературе можно встретить информацию, что в США только к середине 1990-х гг. прямые ссылки на теорему Коуза были зафиксированы в 8-ми решениях судов штатов, в 17-ти решениях апелляционных судов и даже в одном из решений Верховного суда США (такие данные приводил Р.И. Капелюшников в комментарии к статье [33, с. 192]).

шениях судов разных инстанций возможны только в англо-американском common law, где суды имеют право обосновывать и создавать прецеденты, но вряд ли мыслимы в civil law, где суды более жестко ограничены строго кодифицированными юридическими нормами. Хотя идеи Law and Economics признаются значимыми и для континентальных правовых систем [34], однако все же не до такой степени, как в англо-американских странах.

Но на «прохладное» восприятие прикладных аспектов «коузианства» существенно влияют и фундаментальные институциональные особенности того общественного строя, который сложился в постсоветской России в 1990-х, а в последующие десятилетия изменялся скорее количественно, чем качественно. Даже в «ельцинские» времена, когда центральное правительство демонстративно предлагало региональным властям брать столько прав, сколько те смогут усвоить, государственное регулирование понималось в парадигме скорее «ручного управления» (конкретного решения конкретных текущих вопросов), чем выработки общих «правил игры». Еще сильнее этот перекос в сторону дискреционного управления (как писал, Г. Мюрдаль об аналогичных практиках в Азии, «по решению чиновника, наделенного правом действовать по праву собственного усмотрения» [35, с. 232]) наблюдается в «путинский» период. В результате идеи Коуза — как, впрочем, и институционализма в целом, основанного на принципе более высокой значимости общих правил, чем конкретных решений, — оказываются в России скорее «заделом на будущее», чем руководством к текущим действиям. Не случайна и тесная связь интереса к «коузианству» со стороны российских центров именно либеральной экономической мысли (НИУ ВШЭ, Институт Гайдара), систематически критикующих существующий в стране режим.

**Коуз и российская экономика.** Хотя, как отмечалось, проведение российских рыночных реформ и освоение российскими экономистами неинституциональных концептов разошлись примерно на десятилетие, нетрудно найти проявления в российской экономике открытых Р. Коузом закономерностей. Ведь поскольку закономерности объективны, они будут проявляться независимо от того, насколько их осознают хозяйствующие субъекты. И эти проявления подтверждают идеи Коуза как прямо, так и от противного.

В качестве прямых подтверждений идей Коуза можно рассматривать структурные изменения собственности в постсоветской России, о чем экономисты писали уже в конце первого десятилетия постсоветской истории.

В своей работе «Фирма, рынок и право» Р. Коуз отмечал, что «если права на совершение определенных действий могут быть куплены и проданы, их в конце концов приобретут те, кто выше ценит даруемые ими возможности производства или развлечения» [9, с. 14]. Конечно, речь идет о мире если не с нулевыми, то, по крайней мере, с низкими транзакционными издержками, который и рассматривается в теореме Коуза. А происходит ли «в конце концов» переход собственности в руки лучших собственников, если транзакционные издержки значительны? По идее, тоже происходит, хотя и не слишком быстро. Именно это и произошло в России в 1990-е гг.

**Структура собственности крупных и средних  
приватизированных компаний в России 1990-х гг., %**

Собственники	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.
Инсайдеры	60–65	55–60	50–55	30–35
Аутсайдеры	12–25	30–35	35–40	50–55
Государство	15–20	9–10	5–10	10–12

Источник: составлена авторами по: [36].

Согласно исследованиям, после приватизации быстро произошло значительное изменение в структуре собственности крупных и средних приватизированных компаний (табл. ). В 1994 г. (т.е. после завершения «большой» приватизации) работающие на предприятиях (инсайдеры) имели львиную долю экс-государственной собственности, по оценке А. Радыгина, 60–65 %, тогда как те, кто не работал на данных предприятиях, — лишь 12–25 %. Однако те, кто получил львиную долю госсобственности, часто не имели средств для ее реструктуризации и приспособления к новым условиям хозяйствования в рыночной экономике. И наоборот, те, кто мог бы ее выгодно использовать, собственность в результате приватизации чаще всего не получали<sup>12</sup>. Но к 2000 г. ситуация резко меняется: инсайдеры уже владеют только 30–35 %, а доля аутсайдеров возрастает до 50–55 %. Это можно интерпретировать так, что произошло позитивное перераспределение прав собственности от тех, кто не мог ее рационально использовать, в пользу тех, кто находил ей более выгодное и более прибыльное применение. Факт такого значительного и довольно быстрого (всего 6 лет!) перераспределения свидетельствует, что в России несмотря на многочисленные препятствия (высокие транзакционные издержки!) начали действовать законы рынка, включая теорему Коуза [37, с. 130–149].

Конечно, это рассуждение о позитивном характере перехода собственности от инсайдеров к аутсайдерам не следует абсолютизировать: в 1990-е гг. такие переходы нередко означали скорее передел власти-собственности, чем «нормальную» куплю-продажу частных прав собственности. И все же факт, что если в середине 1990-х гг. российская экономика

<sup>12</sup> О преимуществах аутсайдерской собственности в сравнении с инсайдерской свидетельствует, например, провал югославской модели социализма, где собственниками предприятий являлись трудовые коллективы.

«шла на дно», то в начале 2000-х гг. она начала «выныривать», что связано, скорее всего, не только со взлетом цен на энергоносители, но и с улучшением бизнес-управления.

В качестве подтверждений идей Коуза от противного можно рассматривать те же изменения собственности в постсоветской России, но с точки зрения констатации уже не позитивных, а негативных тенденций.

О постсоветской модели, чье формирование завершилось в 2000-е гг., говорится много плохого и хорошего. Оценки варьируются от того, с чем ее сравнивают. В сравнении с «бандитскими» 1990-ми последующие десятилетия определенно выигрывают, поскольку самый плохой коррупционер лучше самого хорошего бандита. Эти преимущества можно объяснить в терминах сопоставления «бандита-гастролера» и «оседлого бандита»: когда появляются относительно стабильные «правила игры», то становится возможным не только перераспределять, но и производить. Но в сравнении со странами относительно стабильного экономического роста (не только стран ЕС, но и дальневосточных стран) Россия по-прежнему проигрывает. Экономика по-прежнему слишком зависит от политической конъюнктуры, которую трудно надежно предсказать хотя бы на 5 лет вперед. Права собственности остаются неустойчивыми: суды так и не стали независимым механизмом охраны этих прав, поэтому средний бизнес опасается их «отъема» коррумпированными чиновниками, а крупный бизнес — очередного перераспределения власти-собственности. В результате слабости защиты прав собственности часто выгоднее заниматься разными видами рентоискательства, чем собственно совершенствованием производства.

Современная ситуация является закономерным следствием осмысления 30 лет назад частной собственности как базового института рыночного хозяйства. При этом в качестве обоснования программ при-

ватизации использовалось упрощенное понимание теоремы Коуза, согласно которому первоначально частную собственность можно дать кому угодно, затем она все равно перейдет в руки наиболее эффективных собственников. Отнюдь не нулевые транзакционные издержки, согласно этой позиции, *затягивают* позитивное перераспределение прав собственности, но *не отменяют* его как долгосрочную тенденцию. Проведенные 20 лет назад вышеупомянутые исследования А. Радыгина в принципе подтверждали эти рассуждения. Но последнее двадцатилетие показало, что *при устойчиво высоких транзакционных издержках права собственности остаются устойчиво размытыми*, что резко ограничивает возможности совершенствования национальной экономики.

В этой связи уместно вспомнить мнение французского экономиста В. Андроффа, который еще в 1990-х гг. справедливо указывал, что практикуемая радикальными реформаторами быстрая раздача приватизируемой собственности «кому попало» и / или «своим людям» имеет мало общего с идеями самого Р. Коуза [29]. Ведь Коуз всегда подчеркивал, что условный мир с нулевыми транзакционными издержками — это в первую очередь способ оттенить реальный мир, где эти издержки отнюдь не нулевые. Более аутентичным «прочтением» теоремы Коуза будет утверждение, что если транзакционные издержки *не* нулевые, то первоначальное распределение прав собственности *имеет* большое значение. Другой вариант формулировки звучит так: чтобы распределение прав собственности не играло особой роли, надо минимизировать транзакционные издержки. При таком подходе *базовым институтом рыночного хозяйства оказывается уже не частная собственность, а четкая спецификация прав собственности* (не только частной). Это — то понимание институциональных условий экономического роста и развития, к которому российское общество еще не пришло.

В заключение вспомним, что сам Рональд Коуз довольно скептически относился к практическим рекомендациям экономистов для государственной политики. Дело в том, что, по его мнению, «...экономисты в своих дискуссиях о государственной политике часто имеют дело с вопросами, которые трудно анализировать и о которых мы знаем очень мало. Следовательно, наши рекомендации по этим вопросам, если им следовать, с большой вероятностью приведут к ухудшению ситуации. С другой стороны, те наши советы, которые, если им следовать, могли бы принести пользу, состоят из нескольких простых истин. Однако история показывает, что именно эти простые истины люди с легкостью отвергают или игнорируют» [4, с. 61]. Вытекающий из концепций Коуза совет меньше заботиться о «справедливом» *распределении* собственности и больше обращать внимание на *защиту* прав собственности является одной из таких «простых истин».

### **Список использованной литературы**

1. Black D. Theory of Committees and Elections / D. Black. — Cambridge : Cambridge University Press, 1958. — 242 p.
2. Coase R.H. The Problem of Duopoly Reconsidered / R.H. Coase // The Review of Economic Studies. — 1935. — Vol. 2, no. 2. — P. 137–143.
3. Coase R.H. The Nature of the Firm / R.H. Coase // *Economica*. — 1937. — Vol. 4, no. 16. — P. 386–405.
4. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономиках / Р. Коуз ; пер. с англ. — Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Института Гайдара, 2015. — 254 с.
5. Coase R.H. British Broadcasting: A Study in Monopoly / R.H. Coase. — Cambridge : Harvard University Press, 1950. — 206 p.
6. Coase R.H. The Federal Communications Commission / R.H. Coase // *Journal of Law and Economics*. — 1959. — Vol. 2. — P. 1–40.
7. Коуз Р. Федеральная комиссия по связи / Р. Коуз // *Экономическая политика*. — 2007. — № 3. — С. 111–146.
8. Coase R.H. The Problem of Social Costs / R.H. Coase // *Journal of Law and Economics*. — 1960. — Vol. 3. — P. 1–44.
9. Коуз Р. Фирма, рынок, право / Р. Коуз. — Москва : Дело ЛТД, 1993. — 192 с.

10. Coase R. The Firm, the Market and the Law / R.H. Coase. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 1988. – 226 p.

11. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. – Москва : Новое издательство, 2007. – 224 с.

12. Coase R. Essays on Economics and Economists / R. Coase. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 231 p.

13. Расков Д.Е. Неизвестный Рональд Коуз: обсуждение книги «Очерки об экономической науке и экономистах» / Д.Е. Расков, М.В. Марков. – DOI 10.18288/1994-5124-2016-2-09 // Экономическая политика. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 194–212.

14. Лауреаты Нобелевской премии по экономике : автобиографии, лекции, комментарии / науч. ред. В.В. Окрепилов. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – Т. 2: 1983–1996. – 477 с.

15. Coase R.H. Law and Economics and A.W. Brian Simpson / R.H. Coase // Journal of Legal Studies. – 1996. – Vol. 25, no. 1. – P. 103–119.

16. Коуз Р. Как Китай стал капиталистическим / Р. Коуз, Н. Ван. – Москва : Новое изд-во, 2016. – 386 с.

17. Калягин Г.В. Маяк после Коуза : альтернативные способы предоставления благ и функции государства / Г.В. Калягин // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2021. – № 2. – С. 247–264.

18. Нуреев Р.М. Формирование постсоветского институционализма / Р.М. Нуреев, В.В. Дементьев // Постсоветский институционализм. – Донецк, 2005. – С. 446–479.

19. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности / Р.И. Капелюшников. – Москва : Изд-во ИМЭМО РАН, 1990. – 90 с.

20. Олейник А.Н. Институциональная экономика : учеб. пособие / А.Н. Олейник. – Москва : ИНФРА-М, 2000. – 415 с.

21. Олейник А.Н. Институциональная экономика : учеб. пособие / А.Н. Олейник. – Москва : ИНФРА-М, 2002. – 415 с.

22. Малле С. Приватизация в России: особенности, цели, действующие лица: (критический взгляд на основе анализа транзакционных издержек) / С. Малле // Вопросы экономики. – 1994. – № 3. – С. 49–55.

23. Кокорев В. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек / В. Кокорев // Вопросы экономики. – 1996. – № 12. – С. 61–72.

24. Шаститко А.Е. Условия и результаты формирования институтов / А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 67–81.

25. Шаститко А.Е. Трансакционные издержки (содержание, оценки и взаимосвязь с проблемами трансформации) / А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 1997. — № 7. — С. 65–76.
26. Шаститко А.Е. Внешние эффекты и трансакционные издержки / А.Е. Шаститко. — Москва : ТЕИС, 1997. — 47 с.
27. Шаститко А.Е. Неоинституциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко. — Москва : ТЕИС, 1998. — 419 с.
28. Красильников О. Еще раз к критике теоремы Коуза / О. Красильников // Вопросы экономики. — 2002. — № 3. — С. 138–141.
29. Андреефф В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза (трансакционные издержки и управленческие затраты) / В. Андреефф // Вопросы экономики. — 2003. — № 12. — С. 120–136.
30. Ерзнкян Б. Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза / Б. Ерзнкян // Вопросы экономики. — 2005. — № 7. — С. 121–135.
31. Бибик О.Н. Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) / О.Н. Бибик // Юридический вестник Самарского университета. — 2016. — Т. 2, № 1. — С. 91–98.
32. Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве / О.Н. Бибик. — DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(4).98-105 // Правоприменение. — 2018. — Т. 2, № 4. — С. 98–105.
33. Дикин С. Современное движение права и экономики. Анализ и оценка / С. Дикин // Истоки. — Москва, 2000. — Вып. 4. — С. 178–227.
34. MacKaay E. Law and Economics for Civil Law Systems / E. MacKaay. — Cheltenham : Edward Elgar, 2013. — 560 p.
35. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» / Г. Мюрдаль. — Москва : Прогресс, 1972. — 768 с.
36. Radygin A. Ownership and control of the Russian industry / A. Radygin // Conference on “Corporate Governance In Russia”. — Moscow, 1999. — URL: <https://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceprinciples/1921367.pdf>.
37. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития / Р.М. Нуреев. — Москва : Норма, 2020. — 448 с.

## References

1. Black D. *Theory of Committees and Elections*. Cambridge University Press, 1958. 242 p.

2. Coase R.H. The Problem of Duopoly Reconsidered. *The Review of Economic Studies*, 1935, vol. 2, no. 2, pp. 137–143.
3. Coase R.H. The Nature of the Firm. *Economica*, 1937, vol. 4, no. 16, pp. 386–405.
4. Coase R. *Essays on economics and economists*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1994. 222 p. (Russ. ed.: Coase R. *Essays on economics and economists*. Moscow, Saint-Petersburg, Gaidar Institute Publ., 2015. 254 p.).
5. Coase R.H. *British Broadcasting: A Study in Monopoly*. Cambridge, Harvard University Press, 1950. 206 p.
6. Coase R.H. The Federal Communications Commission. *Journal of Law and Economics*, 1959, vol. 2, pp. 1–40.
7. Coase R. The Federal Communications Commission. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2007, no. 3, pp. 111–146. (In Russian).
8. Coase R.H. The Problem of Social Costs. *Journal of Law and Economics*, 1960, vol. 3, pp. 1–44.
9. Coase R. *The Firm, the Market and the Law*. Chicago & London, The University of Chicago Press, 1988. 226 p. (Russ. ed.: Kouz R. *The Firm, the Market, the Law*. Moscow, Delo LTD Publ., 1993. 192 p.).
10. Coase R. *The Firm, the Market and the Law*. Chicago & London, University of Chicago Press, 1988. 226 p.
11. Coase R. *The Firm, the Market and the Law*. Chicago & London, The University of Chicago Press, 1988. 226 p. (Russ. ed.: Kouz R. *The Firm, the Market, the Law*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 224 p.).
12. Coase R. *Essays on Economics and Economists*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 231 p.
13. Raskov D.E., Markov M.V. Unknown Ronald Coase: Discussion of the Book “Essays on Economics and Economists”. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 194–212. (In Russian).
14. Okrepilov V.V. *Nobel laureates in economics*. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2009. Vol. 2. 477 p.
15. Coase R.H. Law and Economics and A.W. Brian Simpson. *Journal of Legal Studies*, 1996, vol. 25, no. 1, pp. 103–119.
16. Coase R., Wang N. *How China Became Capitalist*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan, 2012. 256 p. (Russ. ed.: Coase R., Wang N. *How China Became Capitalist*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2016. 386 p.).
17. Kalyagin G.V. The Lighthouse after Coase: Alternative Ways to Provide Public Goods and Functions of the State. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika = Moscow University Economics Bulletin*, 2021, no. 2, pp. 247–264. (In Russian).

18. Nureev R.M., Dementev V.V. Development of Post-Soviet Institutionalism. Donetsk, 2005, pp. 446–479. (In Russian).
19. Kapelyushnikov R.I. *Economic Theory of Property Rights (methods, basic notions, range of issues)*. Moscow, Institute of World Economy and International Relations Publ., 1990. 90 p.
20. Oleinik A.N. *Institutional Economics*. Moscow, INFRA-M Publ., 2000. 415 p.
21. Oleinik A.N. *Institutional Economics*. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 415 p.
22. Malle S. Privatization in Russia: Features, Goals, Actors (critical view based on the analysis of transaction costs) *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1994, no. 3, pp. 49–55. (In Russian).
23. Kokorev V. Institutional Transformations in Modern Russia: analysis of transactional costs dynamics. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1996, no. 12, pp. 61–72. (In Russian).
24. Shastitko A.E. Conditions and Results of Forming of Institutions. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1997, no. 3, pp. 67–81. (In Russian).
25. Shastitko A.E. Transaction Costs (Essence, Estimation and Links with Transformation Problems). *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1997, no. 7, pp. 65–76. (In Russian).
26. Shastitko A.E. Externalities and Transaction Costs. Moscow, TEIS Publ., 1997. 47 p.
27. Shastitko A.E. Neoinstitutional Economic Theory. Moscow, TEIS Publ., 1998. 419 p.
28. Krasilnikov O. One More Time about the Criticism on the Coase Theorem. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2002, no. 3, pp. 138–141. (In Russian).
29. Andreff V. Post-Soviet Privatization in the Light of the Coase Theorem (Transaction Costs and Governance Costs). *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2003, no. 12, pp. 120–136. (In Russian).
30. Erznkian B. Post-Socialist Privatization and Corporate Governance in the Light of Coase Theorem. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2005, no. 7, pp. 121–135. (In Russian).
31. Bibik O.N. Use of Rational Choice Theory in Criminal Law and Criminology (on the Example of the Coase Theorem). *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 91–98. (In Russian).
32. Bibik O.N. Category of Guilt in Criminal Law: Economic Approach. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 98–105. (In Russian). DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).98-105.

33. Dikin S. Modern Movement of Law and Economics. Analysis and Assessment. *Origins*. Moscow, 2000, iss. 4, pp. 178–227. (In Russian).

34. MacKaay E. *Law and Economics for Civil Law Systems*. Cheltenham, Edward Elgar, 2013. 560 p.

35. Myrdal G. *Asian drama : an Inquiry into the Poverty of Nations*. New York, Twentieth Century Fund, 1968. 2284 p. (Russ. ed.: Myrdal G. Modern Problems of Third World Countries. Moscow, Progress Publ., 1972. 768 p.).

36. Radygin A. Ownership and Control of the Russian Industry. *Conference on "Corporate Governance In Russia"*. Moscow, 1999. Available at: <https://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceprinciples/1921367.pdf>.

37. Nureev R.M. *Russia: Features of Institutional Development*. Moscow, Norma Publ., 2020. 448 p.

### Информация об авторах

*Нуреев Рустем Махмутович* – доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; ординарный профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: [nureev50@gmail.com](mailto:nureev50@gmail.com). ORCID: 0000-0003-1407-2657; SPIN-код: 9366-0174; AuthorID: 157455; WoS ResearcherID: P-9648-2015.

*Латов Юрий Валерьевич* – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: [latov@mail.ru](mailto:latov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7566-4192; SPIN-код: 1489-6446; AuthorID: 152966; WoS ResearcherID: P-7344-2016.

### Authors

*Rustem M. Nureev* – D.Sc. (Economics), Professor, Scientific supervisor, Department of Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation; Tenured Professor, Higher School of Economics; Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation; e-mail: [nureev50@gmail.com](mailto:nureev50@gmail.com). ORCID:

0000-0003-1407-2657; SPIN-Code: 9366-0174; AuthorID: 157455;  
WoS ResearcherID: P-9648-2015.

Yury V. Latov – D.Sc. (Sociology), Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences; Senior Staff Scientist, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, the Russian Federation; e-mail: latov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7566-4192; SPIN-Code: 1489-6446; AuthorID: 152966; WoS ResearcherID: P-7344-2016.

### Для цитирования

Нуреев Р.М. Рональд Коуз – человек и теорема / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. – DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).663-692 // Историко-экономические исследования. – 2021. – Т. 22, № 4. – С. 663–692.

### For Citation

Nureev R.M., Latov Yu.V. Ronald Coase: Man and Theorem. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2021, vol. 22, no. 4, pp. 663–692. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).663-692. (In Russian).